

КАВКАЗЪ,

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
 Въ Тифлисѣ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-Петербурѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ почт. гражд. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
 За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавленій 9 р. Съ казенными прибавленіями . . . . . 12 р. 50 к. За одинъ казенный прибавленіи . . . . . 5 р. Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по 1/2 коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

Внутреннія извѣстія. Высочайше Рескриптъ и Грамоты. — Высочайше приказы по военному ведомству отъ 8—11 сентября. Высочайшее повелѣніе. Москва.
Кавказская лѣтопись. Тифлисская современность. Пятигорскъ.
Иностранныя извѣстія. Англія. Франція. Турція.
Новыя извѣстія.
Литературный отдѣлъ. Воспоминанія о Гребенскихъ Казакахъ и о Кавказской Линіи (окончаніе). — Тифлисскій Театръ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій Рескриптъ,

данный на имя Генерала отъ Инфантеріи Чеодаева.

Михаилъ Ивановичъ. Соглашаясь на просимое вами увольненіе отъ должности Начальника всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ Арміи, Я искренно сожалею, что разстройство здоровья вашего препятствуетъ вамъ нести долге дѣятельную службу, обязанности коей въ бою и въ мирѣ, въ продолженіе долгодѣтнаго вашего поприща, вы съ достохвальнымъ самоотверженіемъ исполняли. Последнее время явилось новое испытаніе вашего пламеннаго усердія къ пользѣ Арміи. Вашу дѣятельность и неутомимую заботливость устроены, образованы и сбережены были во всѣхъ отношеніяхъ войска вамъ вѣрныя, такъ что дѣйствовавшія Арміи могли получать изъ нихъ быстрое укомплектованіе людьми, совершенно готовыми стать въ боевые ряды старослужащихъ солдатъ. За таковыя заслуги душевно благодарю васъ и надѣюсь, что настоящій отдыхъ отъ мучившихъ тяжкихъ трудовъ и полученныхъ ранъ, послужитъ къ полному восстановленію вашихъ силъ и здоровья.

Пребываю навсегда къ вамъ благожелательный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Москва, 12-го сентября 1856 года.

Высочайшія Грамоты,

данныя:

1) Всѣмъ сословіямъ Екатеринославской губерніи.

Нашия любезно-вѣрныя поданныя всѣхъ сословій Екатеринославской губерніи.—Въ предѣлахъ вашего края, на берегахъ рѣки, видѣвшей первую славу Россіи и завѣтной русскому сердцу, еще недавно возвыше сына пороговъ, какъ передовой оплотъ Христіанства противъ варваровъ, съ рыцарскою отвагой посвящали жизнь свою на защиту Православія и Русской народности. При громѣ недавней упорной брани въ васъ ожилъ духъ увлеченія, который въ былое время одушевлялъ вашихъ предковъ: вы бодро стали на стражѣ Христовой и неутомимо несли все, что выпало вамъ въ удѣлъ въ это печальное время военной грозы. Юные поселенцы инаго племени, какъ и коренныя дѣти Россіи, одинаково участвовали въ смятеніи суровой участи Нашия воиновъ: движенье огромной рати чрезъ вашъ край было ускорено и облегчено вами по мѣрѣ вашихъ силъ и способствъ. Ваши дома, вѣси и грады обратились въ приюты страждущихъ отъ ранъ и язвъ оружія: безъ зова со стороны властей вы сами стремились подать руку помощи нуждающимся братьямъ—защитникамъ вашимъ. Вы лишили себя необходимаго, чтобы только быть полезными для общаго Отечества, а когда враждебная нога ступила на берегъ вашъ, мирные граждане Таганрога, не уступая старымъ воинамъ въ доблести и рѣшимости, мгновенно ополчились и, съ помощію Божіею, мужественно отразили непрітеля. Вы увѣковѣчили дѣяніями сими имя ваше въ воспоминаніи цѣлой Россіи: Всевышній да наградитъ васъ за ваше самопожертваніе, за ваше терпѣніе, за ваше мужество. Сознавая великость вашихъ жертвъ и подвиговъ, Мы воздаемъ вамъ, на память вѣковъ и потомства, сердечную Нашу признательность за доблестныя дѣянія, совершенныя вами въ минуты бранной тревоги. Дана въ Москвѣ, 26-го августа 1856 года.

2) Всѣмъ сословіямъ Херсонской губерніи.

Нашия любезно-вѣрныя поданныя всѣхъ сословій Херсонской губерніи.—Столѣтіе не протекло еще съ тѣхъ поръ, какъ ваши степи, бывшія дотогѣ поприщемъ грабсжа и насилія, маниемъ державной Прабавки Нашей, вызваны отъ угнетающаго варварства къ образованію и правильному устройству. Въ короткое время, осыненныя крестомъ Христіанства, подъ защитою Ора Русскаго, населили ваши пустыни, закинули живію безмолвныя и мертвыя дотогѣ пространства, и со всѣхъ сторонъ потекли богатства въ юный край вашъ. Съ остальною Россіею не доставало вамъ только связи страданій и терпѣнія, и вотъ въ текущіе годы рука Провидѣнія ниспослала на васъ тяжелое испытаніе войны. Въ эту незабвенную эпоху вы блистательно подержали честь имени Русскаго. Исполненные усердія къ пользѣ Отечества, вы несли послѣднія жертвы. Значительныя вспомо-

сы деньгами, безкорыстная забота о помѣщеніи и проходѣ войскъ, устройство временныхъ больницъ, все доказывало вашу горячую любовь къ Отечеству и принесло желанныя плоды: вашими попеченіями сберегались силы Нашия Арміи, которыя своею стойкостью и твердостью заслужили уваженіе даже враговъ; но сими не ограничились ваши дѣянія. Громъ войны раздался и надъ вами, по вашимъ водамъ двинулись непріятельскіе флоты и угрожали разрушеніемъ Одессы, этому драгоценному перлу вѣнца Нашею. Вы не убоились этой грозы. Безстрашно и смело выдержали вы нападеніе и вышли со славою изъ испытанія. Въ виду такихъ подвиговъ, внесенныхъ въ скрижали Исторіи, Россіи остается гордиться вами. Съ отеческою любовью и заботою обращая къ вамъ Наши взоры, объявляемъ вамъ торжественно предъ лицомъ всей Россіи Нашу искреннѣйшую признательность. Да вознаградится нынѣ, подъ кровомъ мира, ваши тяжелыя жертвы и ваши труды, да перейдутъ тревоги и опасенія въ покой и отрадное довольство, и да уврачуются язвы, нанесенныя вамъ грознымъ временемъ брани. Дана въ Москвѣ, 26-го августа 1856 года.

3) Всѣмъ сословіямъ Таврической губерніи.

Нашия любезно-вѣрныя поданныя всѣхъ сословій Таврической губерніи.—Въ жизни народовъ неизбежны годины тяжелыхъ испытаній, которыми Провидѣніе иногда постигаетъ своихъ избранныхъ. Минувшая брань, опасности которой вы раздѣляли, принадлежитъ къ такимъ эпохамъ. Въ ней на вашу долю выпало наиболѣе славы, но и наиболѣе страданій. Еще въ началѣ грозной борьбы вы несли значительныя приношенія для доблестныхъ войскъ Нашия, стремившихся на защиту родныхъ предѣловъ; но тѣмъ не кончилась мѣра вашего участія въ спасеніи Отечества. Война, разгораясь болѣе и болѣе, поразила васъ тяжелымъ жребіемъ вражескаго нашествія. Многочисленная жертва очищенія въ развалинахъ Севастополя принесена на вашей почвѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ около девяти столѣтій тому назадъ великій Просвѣтитель Россіи принялъ святую купѣль Христіанства и откуда свѣтъ любви и образованія разлился на безмѣрные пространства роднаго нашего Сѣвера. На другихъ точкахъ окранный вашего полуострова развѣвалось также непріятельское знамя. Многие изъ васъ должны были оставить свои дома, свою родную кровъ и трудомъ приобретенныя блага—въ жертву непріятелю. На огромномъ пространствѣ поля ваши оставлены безъ воздѣлыванія, сады и виноградники разорены, жилища опустѣли; но и въ виду враговъ, почти подъ огнемъ ихъ выстрѣловъ, вы—коренные Русскіе, а вмѣстѣ съ вами и юные поселенцы инаго племени, продолжали не только нести налоги, но дѣлать значительныя пожертванія; облегчая движеніе воиновъ, дѣлились съ ними безвозмездно послѣдними крохами своего достоянія и предупреждая, по мѣрѣ силъ своихъ, малѣйшія ихъ нужды и желанія. Въ своихъ домахъ, въ своихъ семействахъ вы давали приютъ раненымъ и страдающимъ, утѣшали умирающихъ и подавали руку помощи братьямъ вашимъ, удалившимся изъ-подъ ига нашествія. Съ именемъ страны вашей отнынь соединена память безпримѣрныхъ подвиговъ самоотверженія и грозныхъ дѣлъ. Наше сердце сочувствовало вамъ въ вашихъ страданіяхъ, болѣло вашими ранами. Нынѣ, когда пламя войны погасло на вашей землѣ, когда разоренныя жилища и грады ваши подымаются изъ-подъ пепла, и утученныя кровію нивы и пажити зовутъ къ себѣ трудъ и заботы, Мы, предъ лицомъ всей Россіи, съ сердцемъ, исполненнымъ отеческой любви къ вамъ, объявляемъ вамъ искреннюю благодарность за жертвы святому дѣлу Отечества. Въ награду вашихъ подвиговъ и терпѣнія да процвѣтетъ подъ кровомъ мира пострадавшій край вашъ, да окрыдется и разовьется благодатный трудъ и да возникнутъ съ болѣющимъ блескомъ знанія и искусства, основы истиннаго благоденствія странъ и народовъ. Дана въ Москвѣ, 26-го августа 1856 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному назначенію поручею

и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Сентября 8-го дня 1856 года. Переводится. Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка Прапорщикъ **Эндауровъ**—Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ.
 Сентября 9-го дня.—Переводится. Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады, Альтютантъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Поручикъ **Молоствовъ**, Лейбъ-Гвардіи въ 1-ю артиллерійскую бригаду, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Сентября 10-го дня. Производится за отличіе по службѣ. По Иррегулярнымъ войскамъ. Командующій Кавказскимъ Конно-Горскимъ дивизиономъ, Подполковникъ **Султанъ-Адиль-Гирей**, въ Полковники, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Владикавказскаго Линійнаго Казачьяго полка Есаулъ **Панковичъ**, въ Войсковые Старшины. Переводится. Навигиискаго Пѣхотнаго пол-

ка Прапорщикъ **Грицикѣй**—въ Грузинскій Линійный баталіонъ № 1-го. Кавказскаго Линійнаго баталіонъ № 12-го Штабсъ-Капитанъ **Вороновичъ**—въ Пѣхотный Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полкъ.

Сентября 11-го дня. Переводится. Состоящій по Арміею Пѣхотѣ, находившійся при временно-командовавшемъ войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи по особымъ порученіямъ Подполковникъ **Климеръ**—въ Ставропольскій Пѣхотный полкъ. Увольняется за болѣзнію. Пѣхотнаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка Майоръ **Тимошенко**, Подполковникомъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ двухъ третей жалованья.

Въ Высочайшемъ Указѣ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даномъ Правительствующему Сенату, 11-го іюля, изображено: «Министру Государственныхъ Имуществъ, Генералу отъ Инфантеріи, Генералъ-Адъютанту **Графу Киселеву** Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ Нашия при его величествѣ императоръ Французовъ, съ оставленіемъ Членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи Генералъ-Адъютанта».

— Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшихъ вопросовъ, Высочайше соизволилъ повелѣть: отчетность въ суммахъ и капиталахъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе Намѣстника Кавказскаго на экстраординарные и чрезвычайные расходы, устройство края и разныя полезныя по оному предпріятія, не подвергать ревизіи Государственнаго Контроля, вмѣнивъ въ обязанность Намѣстнику въ употребленіи сихъ суммъ представлять отчетъ Его Императорскому Величеству установленнымъ и нынѣ существующимъ порядкомъ.

Нѣкоторые полки, бывшіе въ составѣ Крымской Арміи, въ память павшихъ въ Крыму товарищей, изъявили желаніе привести клады на сѣверной сторонѣ Севастополя въ болѣе устроенное состояніе и собрали для того небольшую сумму. Это проявленіе негласнаго желанія русскаго солдата возродило мысль—посильнѣе сборомъ и съ прочихъ войскъ, въ готовности которыхъ нельзя сомнѣваться, увеличить означенную сумму, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ возможности устроить надгробные памятники и въ оградѣ кладбища соорудить часовню, а можетъ быть, если количество собранной суммы позволитъ, и храмъ во имя Св. Чудотворца Николая. Господинъ Военный Министръ всеподданнѣйше представлялъ о семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и Государь Императоръ, принимая живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ,—близкомъ сердцу Его Величества, съ удовольствіемъ разрѣшилъ на открытіе въ войскахъ посильнаго сбора, по подлинскъ, для вышеозначенной цѣли, и Самъ изволилъ пожертвовать на этотъ предметъ пять тысячъ рублей серебромъ.—Инспекторскій Департаментъ, по приказанію его высокопревосходительства, объявляетъ, о вышеизложенномъ по всему ведомству, съ тѣмъ, чтобы деньги, какія въ сластьіе сего будутъ собраны, были отправляемы въ г. Одессу на имя Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта графа Строгонова.

Москва. Вчера, 19-го сентября, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица **Марія Александровна**, и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ **Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ**, **Владиміръ Александровичъ** и **Михаилъ Николаевичъ** изволили выѣхать изъ здѣшней столицы въ Святотроицкую **Сергіеву Лавру**.

— 16-го сентября, изволилъ пріѣхать изъ С.-петербурга въ здѣшнюю столицу Его Императорскаго Высочества Государь Великій Князь **Николай Николаевичъ**.

— Того же числа, Ихъ Императорскія Высочества Государыня Великая Княгиня **Елена Павловна** и **Екатерина Михайловна** и Его Великогерцогское Высочество Герцогъ **Мекленбургъ-Стрелицкій** изволили выѣхать изъ здѣшней столицы въ С.-петербургъ.

— 18-го сентября, Ихъ Высочества Принцы: **Гессенскій Людвигъ** и **Гессенъ-Кассельскій Фридрихъ** изволили выѣхать по тракту въ городъ **Варшаву**.

— 19 сентября, Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь **Николай Николаевичъ** и Принцъ **Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій** съ Фамиліею изволили выѣхать въ С.-петербургъ. (Моск. В.)

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. Временно-командующій Резервною Дивизіею Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса доноситъ, что пріѣхавшій изъ Москвы на минеральныя воды въ ст. Жельзноводскую дантистъ Двора Его Величества, чиновникъ 14-го класса **Петръ Лазарикъ**, 1-го іюля въ день рожденія Ея Величества вдовствующей Государы-

ни Императрицы Александры Феодоровны, пожертвовал нижним чинамъ 6-го резервного батальона Навагинскаго пѣхотнаго полка, по числу 733 человекъ, по чаркѣ водки, по бѣлому хлѣбу и по $\frac{3}{4}$ фун. говядины на каждого человекъ.

Пятигорскъ. Лѣтній сезонъ въ Пятигорскѣ кончился; все разѣхалось. Бульвары пусты. Цѣлые часы бродишь иногда по темнымъ аллеямъ Михайловскаго парка и не встрѣчаешь ни души. Развѣ только вечеркомъ, какое нибудь семейство наслаждается прохладою вечерняго воздуха и вѣчно-прекрасною панорамой, открывающеюся съ *Золотой арфы* и другихъ возвышенныхъ мѣстъ, гдѣ разбросаны цѣлительные ключи. Музыка, оживлявшая бульвары, давно уже убралась во-свои. Зато погода стоитъ у насъ прекрасная и вполне соответствуетъ праздничному звону колоколовъ, гудящихъ цѣлый день на колокольнѣ пятигорской церкви, по случаю трехдневнаго празднованія коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы. Здѣсь начали праздновать это великое событіе съ 20-го числа мѣсяца сентября. Въ этотъ день, въ пятигорскомъ храмѣ, была совершена всѣмъ соборомъ Божественная литургія, а потомъ было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ; въ заключеніе литургіи здѣшнимъ протоіереемъ Александровскимъ была сказана прекрасная проповѣдь, вполне соответствовавшая празднику. Нельзя было безъ умиленія смотреть на толпу народа, такъ усердно, такъ тепло молившагося за счастье и благоденствіе Монарха. Нужно было видѣть эти лица, сіявшія умиленіемъ, эти глаза, устремленные къ престолу Всевышняго, дабы убѣдиться, что такъ молиться могутъ только Русскіе. Когда дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, всѣ бывшіе въ церкви, какъ одинъ человекъ, упали на колѣни. Это была минута высокая, торжественная, минута, въ которую небольшая толпа народа, въ общей молитвѣ за своего Монарха, слалась во-едино. По окончаніи молебна, генераль-майоръ Всеволожскій вышелъ къ парадному, состоявшему изъ двухъ ротъ здѣшняго линейнаго батальона. Поздоровавшись съ солдатами, генераль Всеволожскій поздравилъ ихъ съ торжественнымъ днемъ, послѣ чего парадъ прошелъ мимо него церемониальнымъ маршемъ. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ; въ-место музыки подлѣ бульвара гремѣли два хора пѣсенниковъ, и веселая толпа народа окружала ихъ. Все лучшее пятигорское общество высыпало на бульвары, и этотъ маленький народный праздникъ продолжался до поздней ночи. Считаю не лишнимъ присовокупить, что здѣшній управляющій виннымъ откувомъ, г. Кобузовъ, по случаю праздника, пожертвовалъ въ пользу нижнихъ чиновъ четыре ведра водки. Н. М.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. (N. Pr. Z.) Въ министерской газетѣ Morning-Post напечатана статья объ англо-французскомъ союзѣ, въ которой пишутъ, что союзъ существуетъ безъ измѣненія, и что обѣ державы держатся одного образа мыслей по важнымъ вопросамъ, хотя по мѣнѣе значительнымъ слѣдуютъ собственной своей политикѣ.

— (Nord.) Всѣ столбцы здѣшнихъ газетъ наполнены письмами о коронаваніи Императора Александра II. Эти великолѣпныя торжества обращаютъ здѣсь на себя всеобщее вниманіе, и, послѣ первой минуты изумленія, всѣ начинаютъ лучше понимать высокій смыслъ и значеніе оныхъ. Въ нихъ не видятъ матеріальныхъ чудесъ великолѣпнаго, неизвѣстнаго на-Западѣ, а усматриваютъ символъ огромнаго могущества Россійской Имперіи и доказательство вѣрности милліоновъ подданныхъ, населяющихъ ея области. Манifestъ и указы о милостяхъ и наградахъ, ознаменовавшихъ коронацію, произвели самое благоприятное впечатлѣніе. Повелѣніе о прекращеніи рекрутскихъ наборовъ въ теченіе четырехъ лѣтъ почитается лучшимъ доказательствомъ искренняго миролюбія Императора. Критическія замѣчанія, которыя позволяютъ себѣ нѣкоторыя наши газеты, послѣдніе признаки прежед ихъ вражды, не имѣютъ уже прежней злобы, а скорѣе обнаруживаютъ зависть. Въ Chronicle, напримеръ, находятъ, что празднества слишкомъ блистательны, церемонія слишкомъ пышны, и стараются напомнить, что у Англіи 180 милліоновъ подданныхъ, и что еслибъ она захотѣла, то могла-бы выставить такую же роскошь и торжественность. Въ нынѣшнемъ номерѣ Times собраны всѣ впечатлѣнія этой газеты, и въ нихъ отдають блистательную дань великодушнымъ намѣреніямъ новаго Императора.

— (J. de St.-P.) Въ Times пишутъ: «Передъ всемилостивѣйшимъ Манifestомъ Императора Всероссійскаго слѣдуетъ все великолѣпнѣе коронаціи: такъ вели-

ко значеніе, важность, нравственное величіе этого акта. Трудно читать его безъ волненія: такъ онъ полонъ благородныхъ чувствъ самой высокой искренности. Въ самомъ Манifestѣ читатель найдетъ похвалу Императору народу за вѣрность, храбрость и преданность въ послѣднюю войну. Льготы, данныя областямъ, наиболее пострадавшимъ, есть дѣло справедливости; освобожденіе заключенныхъ за долги или проступки дѣлается часто въ такихъ случаяхъ; но есть мѣра, величіе и важность которой равняется только предшествующимъ ей выраженіямъ: освобожденіе Имперіи отъ рекрутской повинности на 4 года». Загнѣвъ въ Times представляются статистическія соображенія, которыми доказывается важность этой мѣры. «При этихъ цифрахъ, продолжаетъ англійскій журналъ, мы не можемъ умолчать о нравственномъ вліяніи этого акта. Онъ краснорѣчиво говоритъ всѣмъ арміямъ Европы. Если ничто не помѣшаетъ исполненію этой мѣры, если она послужитъ урокомъ Европѣ, если ею открывается въ Старомъ Свѣтѣ періодъ политики мира и взаимнаго довѣрія, то мы должны радоваться кризису, научившему народы уважать другъ друга. При такомъ дѣйствіи Императора Всероссійскаго, вселенная должна исполниться уваженіемъ къ Государю, который, располагая огромными, извѣстными намъ средствами, повелѣвая самымъ преданнымъ народомъ, добровольно вступаетъ на мирный путь и, не ослабивъ воинскою славою, ведетъ народъ Свой къ мирнымъ трудамъ, благодѣнія которыхъ распространяетъ на всю Свою громадную Имперію. Императоръ Александръ II, послѣ всѣхъ ужасовъ войны, начинаетъ царствованіе милостивое и мирное. Намъ остается желать ему многолѣтняго и исполненія Его великихъ и благодѣтельныхъ намѣреній, желать, чтобы Онъ видѣлъ мирное развитіе Имперіи, которой предки Его уже сообщили воинское величіе и славу».

— (J. de St.-P.) Въ Morning-Post извѣщаютъ, что находящіеся при неаполитанскомъ дворѣ посланники французскій и англійскій огованы своими правительствами. Англія и Франція посылаютъ по четыре линійныхъ корабля съ надлежащимъ количествомъ фрегатовъ. Сношенія съ неаполитанскимъ королемъ будутъ производиться черезъ посредство этихъ вооруженныхъ судовъ. Другіе итальянскіе вопросы будутъ рѣшены послѣ окончанія неаполитанскихъ дѣлъ.

Франція. (Nord.) Въ Мониторѣ помѣщается рядъ писемъ о московскихъ торжествахъ, сопровождавшихъ священное коронаваніе Государя Императора Александра Николаевича. Въ первомъ письмѣ кратко разсказано о торжественномъ въездѣ Его Величества въ Москву; во второмъ описанъ смотръ 20-го августа; въ третьемъ говорится о томъ, какъ герольды объявляли по улицамъ Москвы о днѣ священнаго Коронаванія. Описаніе смотра, сказано въ Nord, составлено специалистомъ.

— (Nord.) Въ Constitutionnel напечатано письмо греческаго повѣреннаго въ дѣлахъ во Франціи; изъ него оказывается, что члены воинскаго кабинета не присутствовали при молебствіи въ Пирей 15-го августа (Наполеоновъ день) потому, что не получили приглашенія.

— (J. de St.-P.) Сегодня въ Journal des Débats извѣщаютъ, что флотъ выходитъ изъ Тулона и что г. Бренне долженъ представить неаполитанскому правительству ультиматумъ (послѣднія условія). Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта г. Бренне удалится на флотъ.

— Въ Journal des Débats, отъ 21-го сентября, пишутъ: «Недавно одинъ журналъ, извѣстный какъ спеціальныи органъ англійскаго правительства (Morning-Post), жаловался въ довольно желчныхъ выраженіяхъ на одиночество, въ которомъ оставляютъ Англію, и объявилъ, что если она не можетъ разсчитывать на гармонию въ европейскомъ хорѣ, то удовольствуется одинокою мелодіей собственнаго голоса. Нѣсколько дней спустя, другой журналъ (Constitutionnel), обыкновенно раздѣляющій мнѣнія французскаго правительства, далъ не слишкомъ примирительный отвѣтъ на эту статью, подѣмываясь надъ великимъ вопросомъ о Зѣвипомъ островѣ и надъ капризами Англіи. Нынѣ же оба журнала, французскій и англійскій, съ примѣрнымъ согласіемъ соединяютъ голоса свои въ одну гармонию и обращаются съ самыми наставительными упреками къ тѣмъ журналамъ, которые, по словамъ ихъ, стараются посеять раздоръ между двумя правительствами. Оба эти воззванія къ согласію обнародованы одновременно въ Лондонѣ и въ Парижѣ, и мы узнаемъ изъ нихъ, что союзъ между Англіею и Франціею такъ же проченъ, какъ прежде. Отсылаемъ обратно это свѣдѣніе тѣмъ, которые сообщаютъ оное, ибо недавняя семейная ссора произошла только между ними.—Извѣстно, что адмиралъ Лайонсъ уже вышелъ съ значительными силами изъ Босфора къ острову Мальте, то есть, приближается къ Неаполю. Замѣтимъ также, что нѣсколько дней тому назадъ два англійскіе линійныхъ корабля: Brunswick и Sans-Pareil, получили приказаніе идти изъ Португала, какъ говорятъ, къ берегамъ Португалии. Но такъ какъ въ Лиссабонѣ все благополучно, то и позволительно считать это назначеніе за первый шагъ къ Неаполю.»

Турція. Изъ Виддина пишутъ въ Ost-deutsche-Post отъ 27-го августа: «Мы слышали сегодня въ Виддинѣ, что не слышалъ болгарскій народъ въ теченіе вѣ-

ковъ: я говорю о колокольномъ звонѣ, въ которомъ христіанъ въ церковь, чтобы возблагодарить Бога за дарованную намъ свободу въ роисповѣданіи. Въ Виддинѣ изъ болгарскихъ городовъ нѣтъ колоколовъ. Турки жаловались намъ на такое нововведеніе, но наша сослалась на волю султана.»

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, сентябрь 23-го. Русскій чрезвычайный посолъ при здѣшнемъ дворѣ, гр. Киселевъ, прибылъ въ Парижъ.

— Сентябрь 24-го. Въ Moniteur de la Flotte сообщаютъ, что французская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Трегуара, состоящая изъ четырехъ кораблей, скорѣе должна выйти въ море. Всеобщее вниманіе обращено на дѣла неаполитанскія. Сравниваютъ, въ какой мѣрѣ будетъ произведена западными державами демонстрація противъ короля неаполитанскаго, о которой положительно извѣщаютъ журналы парижскіе и лондонскіе. Въ Journal des Débats напечатана статья по этому вопросу; по словамъ этой газеты, эскадры соединятся въ Аяччіо и доставятъ въ Неаполь ультиматумъ. Западные державы, сказано въ Journal des Débats, никакъ не разсчитываютъ на содѣйствіе Австріи. Общій тонъ статьи заставляетъ предполагать, что она написана съ цѣлью умѣрить воинственный жаръ англійскихъ журналовъ.

Берлинъ, сентябрь 22-го. Гг. Псаакъ Перейръ и Турнейсенъ отправились отсюда въ С.-петербургъ, по дѣлу о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи.

— Въ нѣмецкихъ журналахъ сообщаютъ изъ Константинополя отъ 15-го сентября, что англійская эскадра адмирала Лайонса получала по телеграфу приказаніе оставаться въ Босфорѣ. По слухамъ, тамъ ожидали и французскихъ военныхъ кораблей.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о Пребываніи Кавказѣ и Кавказской Линіи.

(Окончаніе.)

Живя посреди постоянной опасности, въ сторонѣ, гдѣ и на полевыхъ работахъ выходятъ вооруженные, казакъ пріобрѣтаетъ необыкновенную смѣлость, и чувства изощряются у него до невѣроятной степени. Нечего и говорить, что онъ всегда беззастѣнливо, между тысячами, отличить по звуку выстрѣлъ горской винтовки отъ солдатскаго ружья; направленіе вѣтра, положеніе солнца, состояніе атмосферы, сломанная вѣтвь въ лѣсу, помятая трава—все для него указаніе, примѣта, признакъ, изъ всего онъ выводитъ заключеніе, дѣлаетъ соображенія, почти всегда безошибочныя.

Однажды, во время постройки Куринскаго укрѣпленія, дали знать, что по плоскости рышетъ небольшая чеченская партія, которая пыталась отхватить скотъ въ одномъ изъ мирныхъ ауловъ. Пока часть кавалеріи собиралась пуститься въ погоню за этою партіей, всѣ оставшіеся въ укрѣпленіи, разумеется, бросились на крѣпостную стѣну. При заходящемъ солнцѣ равнина развѣтывалась какъ листъ бумаги; однакожь, не взирая на нѣсколько зрительныхъ трубъ, никто ничего не могъ разглядѣть. Возлѣ меня стоялъ старый гребенской эсаулъ и внимательно сморгнулъ, зевловивъ глаза мѣховою шапкой.

— Вы не видите-ли чего нибудь, Синоухаевъ? спросилъ я.

— Должно быть, вотъ они,—отвѣчалъ онъ, протягивая руку.

— Какъ? что? гдѣ? зашумѣло нѣсколько голосовъ и нѣсколько трубъ обратилось по указанному направленію.

— Да вы ничего не увидите, сказалъ, улыбаясь, старикъ, и ничего нельзя увидѣть; а вотъ замѣчаете-ли въ этомъ мѣстѣ какъ будто туманъ или паръ?

— Да.

— Откуда жь ему быть? Тамъ нѣтъ ни болота, ни рѣчки, а есть только сухая балочка: вотъ по ней-то, должно быть, Татарва и пробирается; да видно лошадей вспарили, такъ паръ отъ нихъ и валитъ; всмотритесь хорошенько: туманъ этотъ движется.

Другой, не менѣе замѣчательный примѣръ остроумнаго соображенія.

Въ темную осеннюю ночь,—о темнотѣ тамонныхъ ночей можетъ имѣть понятіе только тотъ, кто ихъ видѣлъ,—былъ заложенъ въ перелѣскѣ на берегу Терека секретъ изъ двухъ казаковъ: одинъ молодой, другой бывалый. Казаки лежатъ на своихъ буркахъ, ни шипнуть: разумеется, винтовки на голо, курки взведены. Вдругъ слышатъ они: сухая вѣтка хруснула. Казаки толкнули другъ друга локтемъ, и старшій сдѣлалъ своему товарищу знакъ, чтобъ не стрѣлять, но оба навели стволы по направленію шороха. Нѣсколько минутъ все было тихо; потомъ опять въ томъ же направленіи хруснуло... Тогда старшій казакъ выстрѣлилъ, и поутру въ направленіи этого выстрѣла были замѣчены кровь и слѣды человѣческихъ ногъ!

Въ этомъ случаѣ не столько замѣчательна вѣрность выстрѣла, направленнаго по слуху, сколько соображеніе старшаго казака. Услышавъ первый разъ шорохъ, онъ соображалъ такъ: сухая вѣтка можетъ и сама сломаться,

ее может сломать затылок и, наконец, может ее сломать человек, то-есть Чеченец. Когда шум мгновенно умолк, он сообразил, что затылок это быть не может, потому что он не испугался бы шороха, а продолжал бы ломить по сучьям: или ветка хрустнула сама, или на нее наступил человек, который мгновенно примолк, опасаясь засады; но если это был человек, который ступил на изъятую ему ветку, то он должен будет обнаружиться, когда рывнется наконец сняв неудачно ступившую ногу, и тогда... тогда грянул, как и сказал, безошибочный выстрел казака... Надо признаться, что более изощренных чувств и более остроумных соображений не представляю и Могиканы в романах Купера!

За то казаку ничего не стоит отправиться с какою нибудь *мелушкою* (*) верст за 30, за 50 или за 100 по неприятельской земле, по Загеречью. Он идет тихо, сберегая коня, и зорко поглядывает во все стороны; въезжая в перелесок, спускаясь в балку, он собирает поводья и вынимает винтовку из чехла. Если показалось два, три неприятеля, он соображает: есть ли возможность уйти; если нет, готовится к бою: взводит курок и продолжает ехать, сберегая выстрел. Горцы не всегда рывнутся выпустить пулю на авось, особенно, если их только двое, и тогда случается, что казак и горцы идут несколько верст в виду друг друга, не спуская глаз один с другого и не рывшая выпустить первую пулю; если же хищники, дав выстрел, кидаются на казака, он соскакивает с лошади и, коли можно, то прячется за нее, коли нет — просто присядает к земле и только поводит винтовкою прогнев нападающих; зная, что казак, у которого одна только пуля в стволе, не выпустит ее на ветер, Горцы редко отваживаются кинуться на готового таким образом к бою человека, а потому подобные встречи оканчиваются по большей части бранью, джигитовкой, но редко выпущенною пулей.

Не только казаки, их женщины могут служить примером присутствия духа в опасности: два Чеченца наскочили на бабу, возвращавшуюся с возом сена в станицу; у нее были, из оружия, один грабли. Ни мало не потерявшись, она наклоняет эти грабли как ружье, приближается, и Чеченцы отскакивают, провожая ее с ругательствами издали, опять кидаются, и снова обманутые воинственным наклоном граблей, снова разсыпаются. Так провожали двое Чеченцев одну бабу в течение нескольких верст, пока наконец не выехали к ней на выручку из станицы.

При такой смелости и отважности казаков, казалось бы, линия должна быть вполне безопасна. К сожалению, этого пока еще нельзя сказать. Горцы не менее казаков смелы и предприимчивы, да и огромное пространство, занимаемое линией от Каспийского моря до Черного (**), не дает возможности повсюду с делательными успехами ее оберегать. Надо прибавить впрочем, что с утверждением нашего владычества у самого подножия гор, с устройством укреплений далеко впереди линии, она, разумеется, сделается несравненно безопаснее, хотя и не совсем безопасна от разбойничьих партий.

В общих чертах оборонительная система наша, называемая *линией*, состоит в следующем:

По берегу Терека и Кубани поселены казаки, подразделенные на полки и живущие большими селениями, называемыми станицами. Станицы эти обнесены валом, утыканным колючкою, и рвом: этого в большей части случаев достаточно, чтоб предохранить их от нападений; и точно, редко бывало, чтоб Горцы отваживались против казачьих станиц, и то разве когда казаки бывали в походе, а дома оставались старики да женщины. Но как станицы расположены одна от другой верстах в 15—20, то между ними, в 4 или 5 верстах один от другого, находятся пикеты, т. е. малые редуты с мазанкою внутри для небольшого числа казаков и их лошадей, да с вышкой для часового. Наконец, в промежутках между пикетами, закладывают, если требует того надобность, секреты.

Это и есть собственно линия. Впереди ее, по ркам Лабы и Суижи, в сороковых годах устроены концы линии, и кроме того, на всем пространстве между северными предгорьями и течением Терека и Кубани расположены в различных местах укрепления.

Как только неприятельская партия замечена, о появлении ее дается знать повсеместно сигнальными выстрелами или маяками. Тогда войска близлежащих укреплений спешат или в догонку за партией, или на перерыв ее отступления. Должно признаться, однакож, что не всегда удается нам *застукать* Горцев, и что они очень часто успевают или ускользнуть промеж сбигающихся с разных сторон батальонов, либо обмануть их ложными движениями. Кажется, полезно было бы в различных удобных пунктах, независимо

от укреплений, как места расположения подвижных резервов (*colonnes mobiles*), устроить сигнальные башни, с которых было бы можно следить за всеми движениями неприятеля и сообщать о них войскам.

Скажем несколько слов и об администрации казачьих полков. Полки в соединении между собою составляют бригады и дивизии, подчиненные наказному атаману и начальнику войск, на линии расположенных; самые же полки делятся, в строевом отношении, на сотни, а в хозяйственном и административном на станицы, управляемые станичными начальниками, из казачьих офицеров, по назначению начальства. В руках станичных начальников и полковых командиров сосредоточивается управление: они делят наряды на службу, зачисляя малолетков, увольняют стариков, определяют в мелкие должности, повышают, а в известной сфере чинят суд и расправу; но так как поземельная собственность есть принадлежность не лиц, а станиц и полка, то распределение ее между семействами и вообще важнейшая хозяйственная мера, касающаяся общего интереса, определяются на миру, по старинному русскому обычаю. Впрочем, казаки в сущности могут себя считать полными собственниками выданных им земель, потому что передвижение собственности бывает редко, благодаря обширности владений земель.

Произведение почвы и рыбная ловля доставляют весьма достаточные средства существования казакам, которые могли бы быть и гораздо еще богаче, если бы с одной стороны частая, долговременная отлучка казаков по службе не ограничивала у полевых работ множества рук, а с другой, если бы существовали поощрения и руководящие примеры в отношении промыслов. От этого выходит, что, не зирая на прекрасные местные условия, казаки не умели делать порядочного вина и производить (в иных полках в большом изобилии) дрянной *чихирь*; рогагий скот, не смотря на обширные степи, мелок; даже нет у них порядочной породы лошадей, так что хороший казак покупает себе коня в Кабарде, где сохранилась старинная порода бойких, крепких, неутомимых лошадей; а кажется, как бы нетрудно усвоить ее на линии!

Промышленности между казакми, можно сказать, не существует вовсе; самонужнейшие вещи, как-то кожа для обуви, сукно для чересок, бурки, оружие, — все у них покупное. Конечно, главное назначение казака — боевая служба, но казаки могли бы заниматься ткачеством сукна, тесьмой и вообще некоторыми производствами из местных произведений, с целью удовлетворения местным же потребностям. Распространение скотоводства, овцеводства, фабрикация простого сукна, выделка кож, усиление виноделия, хлебопашества, наконец и куренье простого вина могли бы произвести великую пользу на линии и на северной стороне Кавказа вообще; Провантская Комиссариятская Ставропольская Комиссия могла бы делять на места, по крайней мере, часть своих записок, да и Горцы, сначала мирные, а потом и непокорные, мало по малу подверглись бы некоторого рода промышленной от нас зависимости. Знаю, что капиталы казаков слишком малы, и промышленные предприятия совершенно для них чужды: пусть бы они ограничили сначала усилением продуктов, производимых почвою, и улучшением их, на что нет надобности затрачивать капиталы, и этого, конечно, можно достигнуть поощрением, примером, распространением потребных сведений; для фабричного же производства, при вверном бытии и при отсутствии всякого соперничества, вероятно, не замедли бы явиться охотники.

В современных обществах образование идет, можно сказать, в уровень с промышленностью, а потому после сказанного выше не трудно угадать, что просвещение между казакми находится на весьма незначительной степени. Грамотных между ними немного, а если кто и умеет читать и писать, то выучился этому случайно, в сношениях с квартирующими офицерами или во время долговременных командировок в Тифлисе, Ставрополе и т. п. Здесь, будучи изъятые из некультурной среды, они выказывают и большое желание научиться и прекрасные способности; в совершенных годах они весьма легко и скоро выучиваются грамоте. Но замечательно, что, возвратясь домой, они — особенно Гребенцы, — спешат стереть с себя приобретенный доск, сбросить приобретенные понятия.

Последнему явлению, вероятно, заключается причина в том, что Гребенцы — раскольники, то есть люди, у которых ненависть к новизне в делах вбранивания проникала и в сферу гражданскую. В самом деле, у них обычай и «закон» одно и то же, и неисполнение того и другого одинаково «грех»: свистать в комнату, бросать хлеб, все это «грех», не говоря уже о курении табака или бригг подборок, что считается грехом смертным. Эта-то нераздельность понятия об общественном обычае и духовном законе деляет Гребенцев, как и вообще раскольников, людьми необыкновенно упорными противу прогресса. Но конечно здравая пача наконец восторжествует по мере исчезновения стариков и особенно старух, никогда или очень давно

не выходявших из пропитанной предрассудками сферы.

Из этого можно бы прийти к заключению, что Гребенцы нас, «Николаевцев», очень не любят. Ни мало. Это правда, что старики и старухи ни за что не станут есть из посуды, которую мы употребляем, но из своей *чалурки* охотно пьют предлагаемый им чихирь, а молодые казачки не отказываются от сближения с нами. О делах религиозных только они не любят с нами говорить, однакож это мне удавалось; мне было даже дозволено ходить в их молельню: правда, что я приобрел это преимущество, отпустив бороду и отказавшись в течение целой зимы от трубки и чаю.

И так мне случалось беседовать о догматах старообрядчества; но признаюсь откровенно, я ничего не извлек из этих бесед. К убждениям просто здравого смысла они глухи, и на выводы разсудка отвечают цитатами из своих «книг»; но что это за книги, к которым они писаны, когда? — все это для меня осталось покрыто мраком неизвестности. И надо прибавить, что у них имеются не только духовники, но и исторические, как-то таинственные, неизъятые книги: по крайней мере мне случалось слышать от одного старика такие необыкновенные вещи о начале России, о Петре Великом и о временах, ближайших к нашему, которые, конечно, не забирались ни в одну здоровую голову, и однакож в подтверждение этих небытий мне цитировались целые страницы каких-то переложных сочинений. «Прочитай, коли не знаешь, возражали мне: это в «книгах» написано!»

Несколько выше я сказал о ласковости и доступности молодых Гребенских казачек. Да не подумает читатель, что между ними гиздится грязный разврат: это было бы совершенно несправедливо; строгий моральист может, пожалуй, обвинить их в свободности и легкости нравов, но не больше.

И надо признаться, что если где нибудь позволительно до некоторой степени отступление от строгой морали, то это в Гребенском полку: и женщины и мужчины там прекрасны; сохранив развитость форм, свойственную северным народам, Гребенцы обоих полов, в сношениях с горскими племенами, приобрели матовосмуглый цвет кожи, темные глаза и волосы, и продолговатые черты лица, свойственные южным странам. По ловкой, развязной своей походке, по узкой своей талии, по своему воинственному виду, Гребенский казак не уступает благороднейшему горскому племени, Кабардинцам, и при этом видно, что он происходит от крови северных богатырей. Что же касается до женщин, то я могу пожалеть только об одном, что кисть русских художников не передала в область искусства этого столько же правильного, сколько и прекрасного типа.

Но довольно: разговорившись о Гребенцах, о их боевой, удалой жизни, и боюсь заговориться. Прощай, славное, красивое, бойкое племя! (Моск. Вид.)

ТИФЛИССКИЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль 2-го октября. — «Свадьба Кречинскаго», комедия в трех действиях, соч. А. В. Сухова-Кобылина. — «Мельничиха в Марли или Племничиха и Тетухка», водевиль. — Танцы. — Бенефис г. Бернета.

Вот уже более двух недель, как несчастный фельетонист «Кавказа» не беспокоил своей чернилицы и внимания читателей грустными толками о сценических представлениях. Правду сказать, писать-то бы и не тяжело, но в театр быть — дело другое: это труд, а в иной раз так и несчастие, о чем мы уже кратко и объяснили в последней статье (*). Когда начались у нас спектакли, мы стали ходить в театр сперва по охоту, потом по обязанности, потом... Но потом нас заставили быть свидетелями двух страшных, ужасных трагедий и одной драмы; — этого было уже довольно. Три такие спектакля даны были, вероятно, с целью отбить охоту у самого снохобидельного любителя сцены, у самых навязчивых даппиков театральной кассы, — и, что касается до нас лично, — цель была совершенно достигнута. Не смотря на то, что три драматических спектакля подчас исторгали у нас самые неподкупные слезы смеха и позабавили нас не хуже иной комедии, все-таки, проходя Эриванскую площадь, мы как-то держались подальше от театрального здания: мы боялись, не дадут ли там драму и не пришлось бы ее смотреть... Между тем, на афишах и на стѣнах домов возвышалось о «Свадьбе Кречинскаго». Делать нечего; — любопытство преодолело не только убеждения разсудка, но даже и самый страх. Мы пошли.

Комедия г-на Сухова-Кобылина, как нам сказывали, выдержала в Москвѣ больше тридцати представлений в один сезон; журналы отозвались о ней если не с шумною похвалою, то и не холодно. Что касается до нас, — это пьеса довольно дюжинная и даже по местам сальвоватая; смысла в ней мало, идеи нет. Никакая глубокая сторона общественной жизни в ней не затронута; все вертится на низком моделичестве какого-то го-

(*) Экстренный коверт.

(**) Если включить сюда Черногорію; Земля Черноморских Казанов, лежащая по извою Кубани, в отношении административномъ не составляетъ части собственно Кавказской Линіи, но находится съ нею совершенно въ одинаковыхъ обстоятельствахъ по отношеніямъ своимъ съ Закубанскими Горцами.

(*) См. «Кавказъ» вестникаго года, № 73.

сподина, принадлежащего якобы къ высшему кругу общества. Это или клевета или исключение, потому что никто же не может повѣрить, чтобъ кража, подлогъ и отъявленное пройдохничество были нормальны въ какомъ бы то ни было слое общества. Чѣмъ же объяснить такой очевидный успѣхъ? Говорятъ, будто бы въ этой комедии есть намекъ на какое-то подобнаго рода событіе, на какиѣ-то лица, которыя многими известны въ Москвѣ. Ежели такъ, то успѣхъ пьесы есть дѣло мѣстное и случайное: ни въ искусствѣ, ни въ самомъ репертуарѣ онъ не оставитъ слѣда. И намъ жаль, что писатель, какъ видится, не безъ дарованія, имѣлъ слабость прибѣгнуть къ такому фальшивому средству для возбужденія интереса въ публикѣ и для получения успѣха; средство, быть можетъ, и вѣрно рассчитанное, но не художественное, въ строгомъ значеніи этого слова. Истинный, дорожащій собою художникъ, имѣть дѣлю не отдѣльную личность, но исключительную уродливость, а болѣе или менѣе общіе типы общественной жизни и личностей, изъ которыхъ она составлена. Говорятъ, будто Фамусовъ и нѣкоторыя лица «Горы отъ Ума» списаны также съ натуры. Но Фамусовъ не отдѣльная личность и не уродливость и не исключение: это представитель цѣлаго ряда людей данной эпохи и даннаго общества. Городничій и многія лица комедій Гоголя также своего рода типы, а не отдѣльныя исключительности. Если бы отъ насъ потребовали, во чтобъ-то ни стало, найти идею и указать значеніе въ «Свадьбѣ Кречинскаго», то при всемъ напряженномъ вниманіи мы можемъ допустить лишь одинъ только выводъ и то насильственный: именно то, что въ данную эпоху и въ данномъ обществѣ могли появиться такія личности, какъ Кречинскій и какъ Расплюевъ. Конечно, и это все-таки лучше чѣмъ ничего; но подобнаго рода выводъ ни къ чему не ведетъ. Для художественнаго критика, также какъ и для зрителя, важно не самое обнаруженіе явленія, хотя бы и очень рѣзкаго, но психическія или иныя причины, которыя его породили. Правственное значеніе драматическаго произведенія заключается именно въ томъ, что мы въ представленіи видимъ не одно лишь то, что есть, но и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаемъ почему это такъ есть,—стало быть можемъ догадываться, что это могло бы быть иначе, лучше... Для насъ важно въ сценическомъ представленіи, какъ и въ самой общественной жизни, движеніе, совершенствованіе, прогрессъ, а не мертвое statu quo. Съ этой точки зрѣнія, комедія г. Сухова-Кобылина далеко не удовлетворитъ нашихъ требованій, сколько бы о ней ни кричали и ни восхваляли ее въ журналахъ.

Мы не станемъ здѣсь излагать содержаніе этой пьесы, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстной: она была начатана своевременно, давно прочтена; а для бывшихъ въ театрѣ въ день ея представленія, въ бенефисъ г. Бернега, изложеніе это считаемъ мы не только что неумѣстнымъ, но даже и очень тягостнымъ:—читая его, они поневолю должны будутъ припоминать себѣ нестерпиво-дурную игру артистовъ. Мы говоримъ: артистовъ и говоримъ это частью изъ снисхожденія, частью изъ учтивости, потому что, въ строгомъ значеніи этого слова, настоящимъ артистомъ въ этой пьесѣ можетъ быть названъ одинъ только Шванъ и, пожалуй, Мухинъ. Потому что, говоря объ искусствѣ, надо быть строгимъ къ употребленіямъ выраженій: иначе они потеряютъ свой смыслъ;—дѣло иное сказать живописецъ, дѣло иное —маларъ; итукатура никто не рѣшится назвать вателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пьеса была разыграна такъ образцово-дурно, что мы считали-бы грѣхомъ о томъ умолчать.

Главную роль, г. Кречинскаго, выполнялъ Александровскій, и такъ какъ всѣ остальные сюжеты были далеко ниже посредственности, то изъ сравненія оказывалось, что онъ даже сносно игралъ. Вообще онъ въ халатѣ гордо развѣсивъ и естественно, чѣмъ въ модномъ стюртукѣ или фракѣ; кричалъ на лакея и дрался онъ удовлетворительно, можно сказать даже, натурально;—по тамъ, гдѣ ему приходилось быть львомъ, увлекать старика помѣщика и двухъ женщинъ — такъ, какъ и въ прежнихъ пьесахъ, онъ насъ несколько не увлекалъ. Сказать объ игрѣ г. Александровскаго еще болѣе значило бы потерять время. Скажемъ о немъ въ заключеніе то, что онъ очевидно старается играть и въ свѣдѣніе этого думаетъ, что хорошо играетъ. Желаемъ ему попасть на амбула болѣе соответственное, по его средствамъ; быть можетъ, ему и посчастливится.

Въ роли Муромскаго явился г. Павловъ — и только усиленному воображенію зрителя можно предполагать, что у насъ существуютъ такіе помѣщики. Относительно основныхъ объ искусствѣ понятій — естественно, созданія роли тутъ не было. Впрочемъ, отъ г-на Павлова слышно-бы и требовать сколько нибудь хорошей игры смѣливо тѣмъ, которые видѣли его на трагическомъ амбула. Смѣлость еще ничего не доказываетъ, хотя у г. Павлова ей столько, что насъ ни мало не удивитъ, если онъ даже возьмется играть любовниковъ. Что-же? игралъ же онъ Лапунова.

Г-жа Михайлова роль Атуевой сыграла такъ, какъ у-

мѣла и какъ могла. Роли барынь и вообще всякихъ дамъ ей не очень даются. Она ихъ не портитъ—и это самое большое достоинство, котораго, при бѣдности нашей труппы, мы можемъ отъ нея требовать. Въ самой пьесѣ у Атуевой много суетности, желанія поблистать, много есть деревенскихъ неловкостей, выдающихся рѣзко въ столицѣ. Г-жѣ Михайловой даже и въ голову не входило передать намъ всѣ эти оттыки. Ни костюмъ ея, ни движенія, ни манеры—ничто намъ не передавало задуманнаго лица. Г-жа Атуева у Михайловой вышла какъ будто-бы что-то среднее между мелкой чиновницею и экономкою.

Лидочку на афишѣ играла г-жа Ленская,—это конечно для привлеченія публики; на театрѣ играла ее г-жа Петрова, это конечно для отученія публики. Г-жа Петрова, сколько мы можемъ судить, назначила себя для ролей героинь, самыхъ высокихъ и поэтическихъ созданій драматическаго искусства. Мы ее видѣли въ роли Амаліи (Жизнь Игрока), Катериною Шуйскою (въ Скопниѣ Шуйскомъ) и опять въ роли Амаліи (Сынъ Любви); но теперь, очевидно, она нисходитъ съ Олимпа и рѣшается играть простыхъ смертныхъ—даже провинціальныя барышень. Смирненіе очень похвальное, если бы оно оправдывалось искусствомъ и дарованіемъ. Вообще мы чувствуемъ себя будто въ долгу передъ госпожею Петровой, пройдя самымъ робкимъ молчаніемъ появленіе ея въ драматическомъ амбула. Это не безъ причинъ. Мы признаемъ себя не довольно юными, не довольно способными восторгаться порывами той высокой игры, которою обладаетъ трагическая актриса; то есть, другими словами, мы не достаточно образованы, чтобы понимать и высокое драматическое искусство вообще, и игру г-жи Петровой въ особенности. Игра эта, по нашему разумѣнію,—игра необыкновенная. Никогда, никакая женщина не смѣла-бы говорить такимъ неестественнымъ, страннымъ голосомъ, голосомъ очень похожимъ на птичій;—ни одна смертная не смѣла-бы такъ ломаться, даже въ самыя тягостныя и горькія въ жизни минуты, какъ это дѣлаетъ г-жа Петрова при самомъ обыкновенномъ движеніи. Но въ томъ-то и состоитъ драматическое искусство!.. Что касается до насъ, то, судя по коверканью корпуса, вывертамъ шеи и расточительному ломанію рукъ, мы увѣрены совершенно, что г-жа Петрова вполнѣ одарена очень высокими талантомъ, который мы назвали-бы скорѣе акробатическимъ, но не драматическимъ. Повторимъ еще, что подобнаго рода игра превышаетъ смиренныя наши понятія. Что-же касается до представленія деревенской барышни, именно Лидочки Муромской, то на этотъ разъ, кажется, что мы понимаемъ въ чемъ дѣло и можемъ смѣть свое сужденіе имѣть.

Знаете-ли вы, благосклонный читатель, то милое и наивное существо, которое называется деревенской барышней? Это существо любящее, доверчивое, не хитрое, воспитанное на сантиментальныхъ романахъ и на крупичатыхъ пирогахъ съ капустою. Мазурка, разстроенное фортепиано и модный журналъ съ картинками довершаютъ ея образованіе; милый панаша, двѣ дюжины тетушекъ, лисья или песцоваа шуба и соответственное количество душъ выдаютъ ее замужъ. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ слагается ея будущая судьба и исторія. Кромѣ всѣхъ описанныхъ качествъ, у Лидочки есть еще солитеръ... то-есть солитеръ-бриллиантъ, оправленный очень изящно въ булавку. И этотъ-то солитеръ послужилъ для ея несчастья. Но все же это несчастье очень ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое наконецъ постигло Лидочку Муромскую въ прошедшій вторникъ:—ее представляла на нашей сценѣ —Петрова. Куда же дѣвался весь этотъ свѣтлый и дѣвственный колоритъ нашей милой провинціалки? гдѣ эта легкость, прозрачность дѣвчьяго чувства, порывы характера, еще неспорченного прикосновеніемъ къ грязной сторонѣ жизни?—Все это пропало. Мы видѣли дѣвушку далеко ужъ не первой молодости; далеко не наивную, съ смѣлыми, вольными, некрасиво рассчитанными движеніями; что-то такое, напоминающее какой-то особенный женскій типъ, многимъ изъ насъ знакомый, но только не типъ молодой деревенской барышни. Всѣ трагическія способности г-жи Петровой, какъ онъ ни блистательны (что мы выше и доказали), не могли намъ возсоздать это простое лицо. Нѣчто подобное еще можно встрѣтить иногда въ дѣвчьемъ; но въ гостинныхъ такія личности появляются только случайно.

Мухинъ сыгралъ роль Расплюева очень удачно, хотя, по обыкновенію, шаржировалъ.—Эта роль была хороша, потому что тутъ шаржъ былъ умѣреннымъ; да и у автора это лицо какъ-то сбивается на паца, не во гнѣвъ будъ это сказано всѣмъ литературнымъ его достоинствамъ.

Шванъ, въ роли Федора, доказалъ, что онъ совершенный артистъ. Полнѣе, живѣе, естественнѣе, отчетливѣе нельзя ничего придумать; такого Федора, вѣроятно, вы видѣли гдѣ нибудь, вотъ третьяго дня или вчера, увидите вѣроятно и завтра. Но о Шванѣ мы даемъ слово поговорить поболѣе, только не теперь. Намъ досадно, что этого замѣчательнаго артиста у насъ мало цѣнятъ, не ободряютъ таланта. Мы ни разу еще не слышали того шумнаго и одушевленнаго вызова и аплодисмана, котораго онъ неоднократно заслуживалъ.

Въ «Свадьбѣ Кречинскаго» есть еще одна не пустая роль; это роль Нелькина. Она требуетъ наблюдательнаго и вполнѣ развитаго таланта. Эта роль благородства и простоватости, разогрѣтыхъ подавленною, затаенною любовью и отгнѣнными неловкими провинциализмами, требуетъ строгой вдумчивости и изученія. Боже мой! что-же вышло изъ этой роли? Возьмите лакея, и даже плохаго лакея, извозчика, половаго, разнощика или что нибудь въ этомъ родѣ,—одѣньте его во фракъ и заставьте играть на сценѣ—и вы получите только приближительное понятіе о томъ, какъ игралъ у насъ эту роль г-нъ Иж... Стой, перо!—стой!... Надо быть честнымъ фельетонистомъ. Я далъ себѣ слово не говорить объ актерѣ, явившемся на этотъ разъ Нелькинымъ—и вотъ это одна причина, чтобъ не писать о немъ; другая—и бесполезно, да и не стоитъ...

Спрашивается: могутъ ли у насъ, при подобномъ составѣ труппы, даваться такія пьесы, какъ «Свадьба Кречинскаго»?—Опытъ говорить: *нѣма*. Почему вѣтъ?... Но этотъ вопросъ мы отложимъ до одного изъ будущихъ фельетонѣвъ.

Былъ еще водевиль; но о немъ и не буду распространяться. Игра была ниже посредственности; даже и Шванъ, появившись не въ своей роли, заставилъ насъ подосадовать: онъ былъ плохой маркизъ, хотя это и не его вина. Мало ли что низаставитъ играть актера по недостатку сюжетовъ, но это все таки не причина себѣ компрометировать: лучше не выходить не въ своихъ рѣзкахъ. Молоденькую маркизу играла г-жа Рыкановская съ тою рутинной манерою, которая намъ напомнила школу двадцатыхъ годовъ: въ то время, г-жа Рыкановская, вѣроятно, играла если не лучше, то средства ея тогда, конечно, болѣе соответствовали для представленія молодыхъ маркизъ.

Въ этотъ спектакль замѣчательны были танцы, объемъ афишъ и двойная цѣна за входъ. Впрочемъ, спектакль былъ такъ дуренъ, что многіе согласились бы заплатить иза выходъ. Къ счастью, этого не было никому воспрещено, чѣмъ многіе и воспользовались.

Н—ръ Н—въ.

3-го октября 1856.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Тбилискіе граждане А. и Б. ХАЛАТОВЫ имѣютъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что въ дѣло ихъ, находящемся на Вельяминовской улицѣ, въ собственномъ домѣ, полученны съ европейской границы разныя шелковые товары, какъ-то: партія бархата всѣхъ сортовъ, бархатныя мантіи, бурнусы, зимніе дамскія пальто, *дамъ* и штучная матерія разной доброты, и другіе шелковые товары. Гг. желающіе могутъ покупать оныя по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. 2.

ПРИБЪХАЛИ: октября 3-го: изъ Аванура подполковникъ Савиновъ, изъ Каменецъ-Подольска титулярный совѣтникъ Лесвицкіи. 4-го: изъ Мангиса полковникъ Десаже. ВЪБЪХАЛИ: октября 3-го: въ Теміръ-Ханъ-Шуру генерал-майоръ Индрениусъ, въ Кубу действительный статскій совѣтникъ баронъ Николай, въ Ставрополь полковникъ Эмеръ. 4-го: во Владикавказъ подковникъ Чигачевъ. 5-го: въ дерев. Картали полковникъ князь Орбелиани.

Тбилисскаго театра.

Въ воскресенье, 7-ю октября. ГОРЕ ОТЪ ТЕНИ — комедія-водевиль. СУМАСНѢДШАЯ АКТИСА—водевиль. Танцы.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ °Р.		Сыръсть воздуха.	Барометръ при 13 1/2 °Р. Русс. полуш.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наив.	Наиб.
2-го октября.	7 утра.	+ 3,7	+ 2,4	0,76	575,32	СЗ. слаб.	Обл. на горн.	+ 3,2	+ 13,4
	1 полно.	+ 12,4	+ 7,0	0,37	574,35	— — —	Ясно.		
	9 вечер.	+ 8,4	+ 5,3	0,55	574,95	С. умѣр.	Ясно.		
3-го октября.	7 утра.	+ 2,8	+ 1,8	0,80	575,32	СЗ. слаб.	Ясно	+ 2,8	+ 13,4
	1 полно.	+ 13,1	+ 7,7	0,39	574,56	Ю. оч. слаб.	Обл. на горн.		
	9 веч.	+ 8,2	+ 5,0	0,54	575,45	Тихо.	Обл. разс.		
4-го октября.	7 утра.	+ 6,8	+ 5,0	0,72	577,70	В. слаб.	Облачно.	+ 6,2	+ 9,0
	1 полно.	+ 8,6	+ 6,2	0,65	578,14	— — —	Пасмурно.		
	9 вечер.	+ 7,3	+ 5,2	0,67	578,74	— — —	Облачно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.